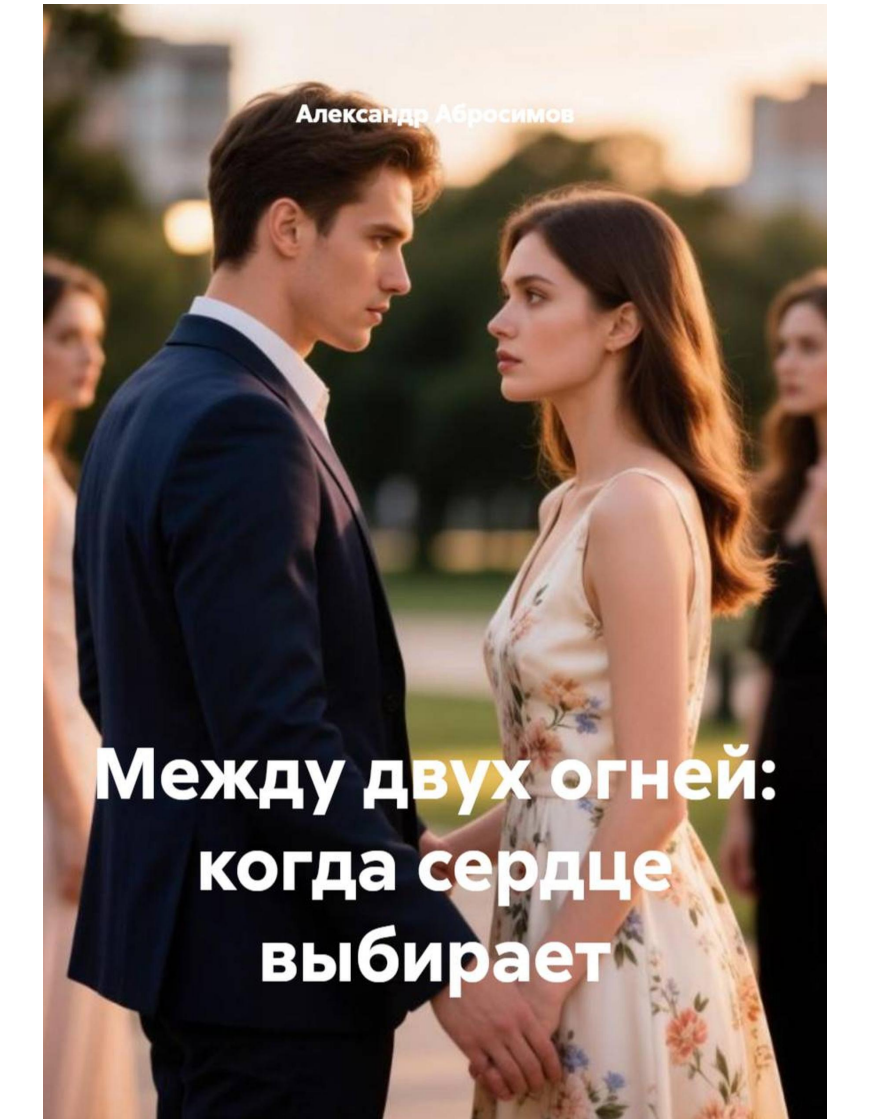

A romantic couple in formal wear looking at each other at sunset. The man is on the left, wearing a dark blue suit and white shirt, looking towards the woman. The woman is on the right, wearing a white floral dress, looking back at him. They are holding hands. The background is a soft-focus outdoor setting with trees and a warm sunset glow. Other people are visible in the background, slightly out of focus.

Александр Абросимов

**Между двух огней:
когда сердце
выбирает**

Александр Абросимов

Между двух огней:

когда сердце выбирает

<https://litres.ru/74193322>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Между двух огней: когда сердце выбирает» — это история о том, как трудно поверить в любовь, когда прошлое научило осторожности, а настоящее подкидывает испытания. Алёна привыкла держать дистанцию, Леонид — нести всё на себе, а Арина — спасать тех, кто дорог. Их треугольник кажется неразрешимым, но именно в нём рождается понимание: настоящая любовь — не про обладание, а про умение слышать и отпускать. Смогут ли герои преодолеть страхи, недоверие и чужое влияние, чтобы остаться вместе? И что важнее: чувство долга или право на собственное счастье? Эта книга о взрослении чувств, о цене доверия и о том, что счастливый конец начинается с одного честного разговора.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Первое знакомство	7
Глава 2. Лёгкий свет	24
Глава 3. Тень прошлого	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Абросимов

Между двух огней: когда сердце выбирает

Пролог

Урбанистический колосс погружался в дремоту с явной неохотой. Водная стихия низвергалась на асфальтированные просторы уже третью астрономическую единицу времени, превращая электрическое сияние уличных сфер в протяженные янтарные полосы. Елена замерла у прозрачной преграды своей миниатюрной обители, наблюдая за стремительной траекторией струй по холодному стеклу — им словно предстояло успеть к долгожданному randevu.

В жилище царила абсолютная акустическая пустота, нарушаемая лишь периодическим урчанием престарелого рефрижератора. Этот звук служил безмолвным подтверждением: она пребывает здесь в полном физическом уединении, но лишена внутренней самодостаточности.

Её тонкие пальцы сжимали плотный пергамент, согнутый

пополам, — эпистолярное послание, так и не покинувшее пределы дома. Чернила легли на него двенадцать месяцев назад, в ту самую ночь, когда героиня приняла категоричный постулат о недопустимости веры в вербальные конструкции. Лексемы оказались абсолютно бесполезны при отсутствии подтверждающего деяния. Деяния же, как доказала практика, неизменно предназначались сторонним персонам.

Коммуникатор издал приглушенный сигнал, однако девушка проигнорировала его. Вероятнее всего, очередное рекламное уведомление или случайная отметка «нравится» под давним цифровым снимком. Порой возникало стойкое впечатление, что всё человечество существует исключительно внутри виртуальной хроники событий, тогда как сама она застряла в этом вакууме, где различимо остывание напитка и мистический говор ливня.

Тем не менее в грудной клетке пульсировал мятежный импульс. Это нельзя было окрестить упованием — данное понятие она вычеркнула из своего словаря много эпох назад. Скорее, это была микроскопическая, почти греховная интрига: а вдруг грядущие сутки преподнесут сюрприз? Вдруг непредвиденное знакомство, абсурдная реплика, чей-то взор, лишенный прагматики, содержащий лишь чистое любопытство — персонально к ней, к её молчанию, к её экзистенциальной истощенности?

Елена позволила легкой усмешке коснуться губ и отступила от оконного проема. Завтрашний день действительно мог принести метаморфозы. И поэтому имело смысл смежить веки, дабы встретить это потенциальное изменение не с гнетущим грузом на душе, а с воздушной предрасположенностью к доверию — пускай даже на единственную ночь.

Она прервала подачу электроэнергии, и помещение поглотил мрак, сохранив лишь тусклое пятно фонарного света на вертикальной поверхности — своеобразную гарантию того, что рассвет непременно наступит.

Глава 1. Первое знакомство

Водная стихия продолжала властвовать над урбанистическим пейзажем, лишь меняя эмоциональный регистр: то срываясь на микроскопическую взвесь, то обрушиваясь сплошной стеной, словно пытаясь смыть чью-то вину. Елена покинула салон автомобиля почти без иллюзий остаться сухой и всё равно успела раздраженно натянуть капюшон пониже. Она не питала любви к случайностям — вернее, она умела их терпеть, но категорически отказывалась принимать как данность.

Книжная лавка оказалась тем самым исключением, которое редко случается в рутине: приглушенное янтарное освещение, тихие перешептывания, аромат типографской краски и чего-то ветхого, будто бумажные страницы способны хранить чужие улыбки. Алёна переступила порог сразу, едва заведя вывеску — ей показалось, что именно там будет легче упорядочить хаос мыслей.

Она шла за редким артефактом печати. Нашла его случайно в рассылке одного знакомого редактора: поэтическая антология с авторскими комментариями, лимитированный выпуск, запасы которого давно исчерпаны. В сознании мгно-

венно сработал внутренний триггер: «надо». Такие фолианты Елена ценила за то, что они не пытались казаться нужными широкой аудитории. Они были необходимы только тем, кому действительно важно.

У стеллажа с лирикой царило особое акустическое спокойствие. Там даже звук соприкосновения подошв с паркетом казался бархатным. Алёна замерла, огляделась — и увидела искомый том практически сразу: он лежал на среднем ярусе, слегка развернутый корешком внутрь ряда, словно сам сомневался, стоит ли попадаться на глаза посторонним.

И в тот же миг книгу взял другой человек.

Сначала Елена зафиксировала только кисть: длинные пальцы, отточенные движения, крайняя осторожность, будто он не присваивал вещь, а проверял её целостность. Затем фокус сместился выше — и взгляды пересеклись.

Ему было около тридцати: подтянутый, собранный, но лишенный лоска искусственного глянца. Усталость читалась в чертах лица — не в виде драматических заломов, а как медицинский факт: субъект давно функционирует не на порывах вдохновения, а на жесткой дисциплине. Когда он посмотрел на неё, во взгляде не мелькнуло ни тени раздражения, ни торопливого клише «извините, это моё». Было иное — спо-

койная констатация ситуации.

Они одновременно потянулись: она, к изданию, он, к изданию, и в пространстве между их ладонями на секунду повисло нечто неловкое, до боли знакомое и неприятное. Алёна внутренне уже приготовилась к стандартному протоколу: мужчина возмутится, она извинится, диалог оборвется, и оба останутся при своем глухом недовольстве.

Но он вместо этого слегка отступил, уступая ей сантиметр пространства. С таким жестом обычно жертвуют не предметом, а признают право другого на достоинство.

— Похоже, нам обоим повезло, — произнес он.

Голос у него был ровным, лишенным актерства. И Алёна вдруг осознала, что дискомфорт сейчас возникнет не из-за столкновения интересов, а из-за того, что оба понятия не имеют, как продолжить эту сцену.

— Вы... тоже за ней? — уточнила она, хотя очевидность ответа была абсолютной.

Он кивнул.

— Редкий экземпляр. Я почти смирился с мыслью, что объявление безнадежно устарело.

Алёна поймала себя на мысли, что он говорит без малейшего самолюбования. Он не выглядел человеком, который радуется «трофею» так, будто совершил подвиг. Он просто хотел этот конкретный текст — и всё.

Алёна протянула руку и взяла издание. Подушечки пальцев коснулись обложки — переплет оказался чуть шероховатым, матовым. Как и обещали аннотации: приятная, тактильно «живая» поверхность.

— Тогда, может, — начала она и запнулась, не понимая, какую конструкцию предложения собиралась выстроить.

Мужчина чуть улыбнулся уголками губ.

— «Может» — хорошее слово. Давайте договоримся, что мы не будем конфликтовать из-за одной полки.

Сказано это было настолько естественно, что Алёна не успела почувствовать уязвленность даже на уровне подсознания. Она просто кивнула, и их пауза перестала быть скованной — стала обычной человеческой тишиной, в которой можно думать.

— Я Алёна, — представилась она раньше, чем успела пожалеть о собственной открытости.

И удивилась: произнесла своё имя будто в пустоту, где его можно безопасно услышать. Обычно Алёна оставляла идентификацию для паспортов и деловой переписки — в людях она предпочитала оставаться функцией: «редактор», «клиент», «посетитель». Здесь же почему-то не хотелось прятаться за ролью.

— Леонид, — ответил он. И в этом имени звучало что-то фундаментальное, как подпись инженера на сложном чертеже.

Алёна на мгновение опустила взгляд на книгу, но не из-за смущения — из физиологической необходимости удержать равновесие. Ей казалось, что, если сейчас она скажет слишком много, контроль рухнет. А ей жизненно необходим был именно контроль: без него она привыкла разрушаться изнутри.

— Вы архитектор? — спросила она внезапно.

Леонид моргнул — и на секунду выглядел так, будто она прочитала скрытую подсказку в деталях интерьера, которые он сам не озвучивал.

— С чего вы взяли?

— По тому, как вы... смотрите, — Алёна замялась, подбирая слова. — Не просто берете. Вы как будто сканируете пространство, правильно ли стоит объект. Точно ли по оси. Зачем-то важна симметрия.

Он усмехнулся — коротко, без демонстрации зубов.

— В точности диагностики вы угадали. Я архитектор. И, наверное, поэтому я патологически не умею быстро «хватать и бежать». Мне нужно убедиться, что все элементы системы находятся на своих местах.

Алёна почувствовала волну глубокого узнавания. Внутри неё жил идентичный механизм: если что-то выбивается из идеального порядка, она физически не способна расслабиться. Но она не возводила несущие конструкции. Она собирала тексты, правки, смыслы — и, если смысл стоял криво, вся остальная конструкция начинала расползаться.

— Тогда вы поймете, сказала Алёна, — насколько отвратительно, когда лексема обещает одно, а семантика делает совершенно другое.

Леонид посмотрел на неё внимательнее, изучающе.

— Вы редактор?

Снова попадание в десятку. И снова — не комплимент,

а констатация, словно он действительно слышал в ней те частоты, которые она никогда не транслировала вслух.

— Да. Небольшое независимое издательство. Иногда кажется, что я исправляю не синтаксис, а хроническую привычку людей говорить красивыми метафорами вместо совершения поступков.

Леонид чуть наклонился вперед, опираясь предплечьем о полку.

— Тогда вы, вероятно, обладаете развитым навыком аудирования.

— Наверное, — сухо ответила Алёна, но тут же смягчила интонацию. Хотя слушать — это, как оказалось, тоже зона высокого риска. Слушаешь и видишь архитектуру обмана. И потом долго блокируешь вход всем остальным.

Он не отстранился. Не сделал театрального жеста «ах, простите, я затронул болезную тему». Он просто принял её честность как объективный факт окружающей среды.

— У меня другая ахиллессова пята, — сказал он. — Я умею поддерживать фасад абсолютного контроля... пока система не начинает перегреваться. Тогда я либо требую от своего процессора больше вычислительной мощности, чем заложено заводом, либо резко сбрасываю напряжение ава-

рийным способом — и это, конечно, портит окружающим эмоциональный фон.

Алёна чуть приподняла бровь.

— Портит эмоциональный фон — это дипломатично. Обычно окружающие начинают чувствовать себя виноватыми в системном сбое.

Леонид кивнул.

— Да. И я потом испытываю токсичную ненависть к себе за то, что так и не научился запрашивать помощь иначе. Не драмой, не вакуумом молчания, не внезапным исчезновением. А просто... словами.

У Алёны в грудной клетке что-то тихо шевельнулось. Он говорил так, будто не искал индульгенций. Это кардинально отличало его от большинства знакомых мужчин. Она привыкла слышать формулу «я сорвался, потому что обстоятельства сложились» — а тут звучало чистое признание: «Я знаю механику процесса, и мне стыдно».

С ним хотелось быть прямой — не из-за бравады, а потому что он принципиально не играл в социальные шахматы.

Алёна перевела дыхание и огляделась: у панорамного окна у них уже мог бы начаться полноценный разговор, а они

всё стояли у стеллажа, словно боялись сократить дистанцию до критической отметки.

— Вы часто сюда приходите? — спросила она, чтобы заполнить паузу безопасным шумом.

— Эпизодически, — ответил Леонид. — Я иногда захожу, когда понимаю, что организму требуется сенсорная депривация. Здесь она... иного качества, чем дома. Дома тишина давит массой. А тут — как осознанная пауза, в которой разрешено подумать.

Алёна не ожидала, что эти слова ударят точно в цель. Она сама считала свою тишину крепостной стеной. Но, возможно, она просто привыкла существовать внутри этой изоляции слишком долго.

— Мне тоже необходима такая декомпрессия, — сказала она. — И я крайне болезненно реагирую, когда её прерывают насильственно.

— Тогда давайте заключим пакт ненападения, — улыбнулся Леонид.

Он произнес это легко, почти игриво. Но в глубине зрачков светилась серьезность: он предлагал не просто беседу — он предлагал безусловное уважение к её личным границам.

— Можем переместиться, — добавил он. — В торговом зале есть компактные столики возле витража.

Алёна посмотрела туда. Действительно, рядом с цветным стеклом стоял узкий консольный стол — два стула, стопка рекламных буклетов и маленькая лампа Эдисона, приглушающая световой поток под задачу «читать без напряжения глаз».

— Если вам не принципиально нарушить ваш маршрут, — она замолчала, поймав себя на том, что снова выставляет условие, будто её согласие должно служить страховкой.

— Мне абсолютно не принципиально, — ответил Леонид. — Принципиально только то, что мы прямо сейчас не будем превращать ситуацию в социальный фарс.

Они прошли к столику вместе: чуть медленнее естественного шага, но без суеты. Алёна положила книгу перед собой — так, чтобы её не пришлось держать навесу. Пальцы автоматически поправили уголок суперобложки, будто она боялась, что бумага разойдется по швам без её ежесекундного надзора.

— Давайте начнем с базовой архитектуры вопроса, — сказал Леонид, когда они устроились. — Почему ваше внимание привлек именно этот том?

Алёна чуть усмехнулась краем рта.

— Потому что в нем, кажется, отсутствует коммерческий фильтр. Не «правильные рифмы», а... физическое ощущение, что автору есть что сказать без сценического костюма.

Леонид посмотрел на неё так, будто эта фраза была ответом и на какой-то другой, незаданный вопрос тоже.

— А вы сами... существуете без сценического костюма,
— произнёс он.

Алёна замерла. Её учили обороняться превентивно. Ей говорили: «никогда не показывай карты». И вот сейчас мужчина диагностировал не «вам нравится поэзия», не дежурное «вы привлекательны», а самое ядро личности — «вы настоящая». Слишком прямо. Слишком рентгеновский прозрачно.

— Я не имею данных, хорошо это или плохо, — ответила она наконец.

— Хорошо. При условии, что вас не используют как ресурс, — тихо добавил Леонид.

И именно это ограничение прозвучало как признание его тяжелого опыта. Алёна вдруг увидела в нём отражение собственного состояния: уязвимость, которую не вывешивают

на флагшток, но от которой невозможно абстрагироваться. Она не давала гарантий безопасности, зато гарантировала подлинность.

Алёна почувствовала, что физически не может прервать контакт, как будто этот диалог стал продолжением её внутренней кардиограммы — той самой линии, которую она пыталась дефибриллятором остановить несколько лет назад.

— А вам зачем нужна поэзия? — спросила она, переводя вектор внимания.

Леонид на секунду отвел взгляд к стеклу, где дождь расписывал сложные фракталы по гладкой поверхности.

— Я существую в парадигме тотальной функциональности, — ответил он. — И в быту, и на объекте. Но иногда мне хочется... чтобы осталось просто место для кислорода. Не для принятия решений. Не для микро менеджмента. Для иррациональных эмоций.

Алёна смотрела на него и понимала: он выдает правду даже тогда, когда выгоднее сохранить её в зашифрованном архиве. И эта привычка к прозрачности была зеркальным отражением её собственного стремления не фальшивить. Разные операционные системы защиты, но одинаковая базовая потребность — чтобы не рассыпаться на пиксели.

— Тогда вы понимаете, почему мой процессор зависает при попытке сдвинуться с места, — сказала Алёна.

— Потому что вашу ценность однажды обнулили? — спросил он.

Это было слишком близко, слишком высокая частота откровенности. Алёна хотела выдать отрицание, хотела откатить систему к предыдущей версии. Но в его вопросе не было ни судейского молотка, ни праздного любопытства ради статистики. Только бережное понимание алгоритмов чужой боли.

— Да, — призналась она. И теперь я боюсь, что, если иницирую движение меня просто снова установят не в ту директорию.

Леонид кивнул.

— Я боюсь, что, если иницирую движение — произойдет катастрофический баг всей сборки. Понимаете? Мне кажется, что я обязан поддерживать идеальный аптайм, иначе... существование теряет логический смысл.

Алёна тихо выдохнула через сжатые зубы. Она узнала в этом его уязвимость, спрятанную под броней перфекционизма. Та самая слабость, которой она тоже прикрывалась

стальными листами, когда отказывалась подпускать кого-либо ближе вытянутой руки.

И в этой взаимной дешифровке возникла искра, не громкая, не заявляющая «начинается роман», а скорее, чувство безопасной видимости. Её тишина перестала быть монолитной стеной и стала герметичной камерой, в которой наконец-то можно дышать полной грудью.

— Мы можем просто провести первичную синхронизацию нормально, — предложил Леонид. — Без форсирования событий. Но и не делая вид, что обмена данными не произошло.

Алёна посмотрела на него и поняла природу своего страха. Она боялась не субъекта напротив. Она боялась собственных запросов — опасных, потому что они сигнализировали о жизни.

— А что значит параметр «нормально»? — спросила она.

Он улыбнулся чуть виновато, признавая сложность формулировки.

— Это значит: не уходить в офлайн, когда срабатывает триггер тревоги. И не заставлять вас держать максимальную нагрузку там, где вам просто нужен работающий второй узел

сети.

Алёна почувствовала, как внутри неё на секунду ослаб стальной захват. Как будто кто-то снял с её шейных позвонков невидимый груз ответственности.

Смартфон Леонида издал резкую трель, нарушив хрупкий покой. Он вздрогнул, но не ринулся отвечать, только бросил короткий взгляд на дисплей и поморщился — не от злости, а от осознания неизбежности возврата в суровую реальность дедлайнов.

Алёна не упрекнула взглядом. Она уже знала, что внешний мир напоминает о себе грубее, чем успеваешь договориться со своим внутренним камертоном.

— Рабочий вызов, — констатировал он после короткой паузы. — Мне необходимо принять пакет данных. Но... я не хочу, чтобы наша первая сессия завершилась техническим разрывом соединения.

Алёна поднялась вслед за ним — и поняла, что сделала шаг навстречу первой.

— Тогда давайте пропишем алгоритм, — сказала она. — Вторник. Если ваша загрузка позволит, можем продолжить

дебаггинг... не здесь. В кофейне через квартал.

— Во вторник, — подтвердил Леонид и, кажется, впервые за весь вечер улыбнулся по-настоящему тепло, задействовав мышцы вокруг глаз. — Вам точно подходит тайм-слот?

Алёна на секунду задумалась, не позволив рептильному мозгу выплюнуть автоматическое «нет». И ответила честно:

— Мой биометрический датчик паники зашкаливает. Но... да. Тайм-слот свободен.

Он занес цифры в контакты без лишней суеты, одним движением пальца. Алёна отнесла книгу на кассу так, как будто оплачивала не целлюлозу, а лотерейный билет — маленький, аккуратный, пахнувший свежей краской. И только покинув теплое помещение магазина под ледяные струи дождя, она позволила себе посмотреть на небо.

Вода всё так же размазывала неоновый свет фонарей по мокрому асфальту, превращая город в акварельную копию самого себя. Город всё так же оставался равнодушным механизмом. Но внутри появилось новое ощущение: между двумя высоковольтными проводами, её гипертрофированной осторожностью и его неумолимой честностью, пробежала тонкая, почти невидимая искра контакта.

И шагнуть в зону этого напряжения, как оказалось, бы-

ло физически возможно. Главное — не позволить инстинкту самосохранения убедить себя, что следующий шаг опять окажется на минном поле чужих завышенных ожиданий.

Глава 2. Лёгкий свет

Во вторник атмосферный фронт решил воздержаться от театральных эффектов — просто сеял мелкую взвесь, словно мегаполис проводил стресс-тест: готовы ли они к обновлению протокола. Елена покинула квартиру с запасом времени, сопровождаемая тем специфическим ощущением, когда хронометр будто намеренно притормаживает ход, чтобы подсунуть лишний повод для отмены встречи. Она потратила изрядное количество минут на гардеробную дилемму: не ради эстетического соблазна. Ей требовалось упаковать себя в оболочку абсолютного самоконтроля.

Внутри же нейронная сеть выдавала критическую ошибку перегрузки.

Кофейня дислоцировалась неподалеку от рабочего кластера Леонида, однако точку randevu сместили — условились о набережной, а дальше решили пустить маршрут по алгоритму «как пойдет». Леонид вышел на связь утром лаконично: «Я заберу вас в девятнадцать ноль-ноль. Если будет зябко — найдем локацию с пледом». И эта бытовая простота почему-то выбила почву из-под ног. Алёна не могла идентифицировать источник отклика: эмпатичная забота или тот

факт, что её не собирались «покупать» высокой кухней и статусным интерьером.

Он материализовался почти минута в минуту. Без флористических жестов и ритуальных извинений за гипотетическое опоздание — просто возник в поле зрения, зафиксировал взгляд, сканируя пространство так, будто проверял наличие фундаментально важного узла системы.

— Алёна, здравствуйте, — произнес он.

И в этом приветствии отсутствовал гормональный подтекст, присутствовало лишь базовое уважение субъекта к субъекту. От него не хотелось возводить баррикады.

— Добрый вечер, Леонид, ответила она и поймала краем сознания собственную мимику губы сами сложились в улыбку.

— Позвольте забрать пару минут вашего времени авансом? — уточнил он, не форсируя события. — Есть объект, который стоит показать.

— Главное условие это не... мост, позволила себе разрядку она. — У меня с ними сложные инженерные отношения.

Он рассмеялся — тихо, без акустической агрессии, как умеют только те, кто разучился имитировать веселье ради

социализации.

— Тогда исключаем всякие конструкции. ««Набережная»», — сказал он. — Я использую её как внешнее хранилище данных, когда собственный кэш переполняется.

Они двинулись пешком. Алёна поначалу держалась на периферии его личного пузыря — в ней всё ещё жил старый код избегания резкого сближения. Но спустя несколько сотен метров осознала: дистанция калибруется автономно, потому что рядом можно было наконец отключить режим гипервентиляции. Леонид двигался идеально ровным шагом, словно не опасался десинхронизации их темпов. Он не пытался занять позицию ведущего, он синхронизировался.

Набережная тонула в мягком спектре диодных ламп. Вода под ними напоминала чёрный обсидиан, впитывающий городскую иллюминацию — без идеального HDR-рендера, но с живым пульсом трафика. По пешеходной зоне перемещались единичные прохожие, и их шаги не сливались в белый шум — скорее читались как отдельные мазки кисти по холсту.

— Вы упоминали, что выбирали фолиант без спешки, — возобновил передачу данных Леонид. — А вы вообще часто запускаете процесс принятия решений... в замедленном режиме?

— Почти всегда, — призналась Алёна. — Высокая скорость вычислений, то есть высокий риск системного сбоя. А сбой лечится слишком долго.

Она отметила микроспазм мышц на его лице, но вектор движения остался прежним. Его лицевая архитектура сохраняла спокойствие, и это стало главным маркером безопасности: она транслировала информацию, бросая камешки в черную воду, и ждала отдачи. Гидродинамика приняла удар без брызг.

— Моя прошивка работает иначе, я иногда иницирую процессы слишком агрессивно, — сказал он. Когда внутренний таймер сигнализирует: если сейчас не зафиксировать результат потом доступ будет закрыт навсегда. У меня это... похоже на архитектурный чертеж в коре головного мозга. Только строю я не физику бетона. Я конструирую себе периметр ограничений. А потом сам начинаю задыхаться внутри этих стен.

Алёна притормозила у чугунных перил. Чтобы избежать вакуума тишины, она перевела фокус на темные волны.

— Ваша речь звучит так, будто топология поломки вам известна заранее, — тихо констатировала она.

— Известна, — подтвердил Леонид. — И я всё равно ак-

тивирую разрушение. Потому что в моменты пиковой нагрузки страха я не выбираю протокол самосохранения. Я выбираю гипертрофированную ответственность. А ответственность в такие периоды мутирует в инструмент аутоагрессии.

Алёна повернула голову, встречая его взгляд.

— И этот алгоритм казался вам оптимальным?

Он выдержал паузу.

— Казался, — внес правку он. — До момента, пока я не начал считывать метрики окружающих. Они выгорают от моего мониторинга быстрее, чем мои собственные сервера.

Алёна почувствовала, как внутри поднимается знакомая амплитуда — той самой глухой усталости, которая наступает после несанкционированного доступа к уязвимостям души. Она категорически отказывалась примерять на себя роль спасаемого объекта. Но и прерывать текущий обмен пакетами тоже не желала.

— Значит, эту деградацию ресурсов вы классифицируете профессиональным термином, — сказала она.

Леонид дернул уголком рта.

— Именно. Плюс фоновый гнев на собственное ядро за

каждый баг.

— Звучит как биография человека, панически боящегося потери статуса суперпользователя, — произнесла Алёна.

Леонид посмотрел на неё пристально, и во взгляде промелькнуло изумление исследователя, чья гипотеза внезапно получила стопроцентное подтверждение.

— Вы снова проводите точную диагностику, — сказал он. — Но ведь ваш страх имеет иную архитектуру. Не совершить ошибку при выдаче прав доступа.

Алёна ощутила, как слова выстраиваются в логическую очередь внутри гортани. Ей отчаянно захотелось спросить бинарное: «А вы делегируете права?» Но вопрос завис в буфере обмена. Она лишь медленно опустила веки в знак согласия.

— Предлагаю сегодня исключить клинический разбор травм из повестки дня, — попросила она. — Давайте просто... осуществлять трансляцию.

— Протокол принят, — кивнул Леонид.

Они продолжили движение. Спустя десять минут визуальный анализатор Алёны зацепился за уличный киоск с горячими напитками — крошечный, почти кустарный. Оттуда тянуло ароматом арабики, специй и жженым сахаром. Ника-

кого глянцевого лоска, только суровая реальность. И именно эта честность среды стала самым притягательным фактором: в премиальном сегменте всегда защита скрытая комиссия, а здесь — только физика тепла и фотонный поток лампы накаливания.

— Желаете подключиться к источнику энергии? — спросил Леонид.

— Вы уверены, что ваша специализация — градостроительство, а не поиск элементарных источников дофамина? — усмехнулась Алёна.

Он не воспринял это как атаку на профессионализм.

— Абсолютно уверен. Просто раньше мой компилятор считал, что простые функции — это мусорный код.

— А текущая версия ОС?

— Сейчас мне кажется, что приоритетное — то, что поддерживает температурный режим, сказал он. — Даже если это кофеин в пластиковом стакане.

Алёна приобрела миниатюрную порцию, хотя стандартный шаблон поведения диктовал брать «средний объем», но сейчас сработал триггер на аккуратность, нежелание перегружать систему. Леонид выбрал вариант с корицей, и на его верхней губе осталась легкая пенная эмульсия — он механически стер её пальцем, но след всё равно фиксировался

визуально.

Алёна невольно растянула мышцы лица в улыбке. Леонид перехватил сигнал.

— Что зафиксировано? — спросил он.

— Ваш рендер выглядит более... активным, чем обычно,
— сформулировала она.

Он замер на долю секунды, явно не ожидавший такой оценки параметров. Затем совершил утвердительный кивок:

— Мне нравится состояние онлайн, когда окружение состоит из адекватных пользователей.

Алёна хотела парировать чем-то легким, но вместо этого процессор выдал неожиданный запрос:

— А Арина входит в категорию адекватных?

Имя прозвучало чужеродно даже для её собственного уха. Она не планировала конвертировать диалог в формат любовного треугольника, который уже существовал лишь как паразитный процесс на фоне их сближения. Но имя само выплзло из памяти, напомнив о правах администратора другой сети.

Леонид принял запрос без фильтрации:

— Арина — да. Просто... её невозможно масштабировать

вниз. Она всегда функционирует на предельной мощности. Даже альтруизм в её исполнении звучит как директива командной строки.

— И эта директива порой интерпретируется системой как попытка захвата контроля, — тихо добавила Алёна.

Леонид не запустил антивирус отрицания. Он лишь выпустил воздух и слегка приподнял плечевой пояс:

— Периодически. Но я интегрировал это в норму. А теперь вот... прихожу к выводу, что привычка — это разновидность слепоты кода.

Они достигли скамьи, где конус света падал настолько мягко, что казалось — вокруг существует только их локальная сеть. Алёна села подчеркнуто прямо, опасаясь нарушить невидимые границы приличий. Леонид приземлился рядом, не вторгаясь в интимную зону насильно, сохраняя корректную дистанцию.

— Каково ваше взаимодействие с ней? — спросил он. — Арина уже пыталась провести аудит вашей системы?

Алёна чуть скривила губы в полуулыбке:

— Она обладает высоким уровнем яркости. И в потоке её излучения легко потерять собственные координаты. Но дело не в деструктивности. Дело в том, что её поддержка похо-

жа на автоматический скрипт спасения. А когда тебя реанимируют постоянно — начинаешь сомневаться в лицензии на простое присутствие.

Леонид медленно кивнул, словно архивировал услышанное в постоянную память. Потом озвучил:

— Вы формулируете мысли так, будто знаете синтаксис состояния «лишнего элемента».

Алёна почувствовала, как внутри срабатывает система тревоги. Инстинкт требовал закрыть порт, но канал оставался открытым: рядом с ним механизмы защиты давали сбой.

— Знаю синтаксис, — сказала она честно. — Поэтому я блокирую любые попытки быстрого маржа веток.

— Я уважаю этот файрволл, — ответил Леонид. — Потому что ваша осторожность исключает токсичность по умолчанию. Вы производите расчет последствий перед сокращением дистанции.

Алёна очень хотела принять этот сертификат доверия. И была близка к установке. Близка — потому что реальный мир всегда подбрасывает нагрузочное тестирование тем, кто осмелился снять броню.

Смартфон Леонида издал вибросигнал. Он извлек его молниеносно — мышечная память офисного работника. На

матрице высветился контакт.

— Арина, — констатировал он голосом, лишенным эмоциональной окраски, и Алёна мгновенно поняла природу пакета: это не дружеское эхо «как дела».

Леонид поднял на неё глаза, принося извинение еще до инициации вызова.

— Если там критическая ошибка... — начала Алёна.

— Я сворачиваюсь, — отрезал он резко. Затем сделал микро паузу, поймал её реакцию и эскалировал тон. — Но я обязан проговорить это вслух. Просто ответить сейчас — это... равносильно обрыву соединения посреди передачи файла. Я осознаю некорректность тайминга.

Алёна совершила наклон головы. Ей претило быть причиной ультиматумов, но внутри уже разгорался знакомый ожог: не ревностью к конкретному человеку — привычным чувством нахождения в очереди.

Леонид активировал голосовую связь. Говорил сжато, почти телеграфно. Алёна не расшифровывала аудиопоток, но ловила частотный диапазон: тревожный, жестко контролируемый. И слышала, как он пытается взять root-доступ не к своим эмоциям, а к внешней проблеме.

— Я понял задачу, — подытожил он. — Буду на месте

через интервал X. Передавайте геолокацию.

Он сбросил вызов и сразу развернулся к Алёне.

— Критический инцидент, — сказал он. — Арина просит физического присутствия. Похоже, без моей авторизации система рухнет.

Алёна подняла взгляд, фокусируясь на его лице.

— Вы декларировали обязательство не уходить в офлайн?
— спросила она предельно тихо.

Он застыл. На секунду маска архитектора дала трещину, обнажив чистую вину — нефильТРованную, не постановочную.

— Я... — начал Леонид и оборвал битовый поток. — Я понимаю, что пакеты данных выглядят так, будто ваш IP-адрес снова получает низкий приоритет.

Алёна сглотнула ком.

— Вы сейчас транслируете данные для объяснения архитектуры? Или для купирования моей тревоги? — она не хотела работать брандмауэром. Но слово «успокоить» в её внутренней операционной системе имело хэш-сумму лжи.

Леонид сдвинулся ближе по лавке, не касаясь одеждой, но максимально сузив ментальную дистанцию.

— Я не владею модулями утешения без искажения фактов, — сказал он. — Я сажусь в машину, потому что угроза реальна. И... потому что моя архитектура не предусматривает иного выхода.

— Значит, вы снова переключаетесь на протокол ответственности, — бесцветно произнесла Алёна.

Он кивнул, избавляя их обоих от театра оправданий.

— Разрешено ли мне отправить пакет «сожаление»? — спросил он.

Алёна хотела сбросить соединение, хотела прервать сессию, чтобы не обрабатывать входящие эмоции. Но драйверы подвели. Боль причиняло не физическое отсутствие тела. Боль причиняла мгновенность реакции — будто всё шло строго по плану.

— Отправляйте, — разрешила она. — Только используйте прямой канал связи, без шифрования.

Леонид посмотрел на неё так, словно сейчас ему нужно было начертить единственно верную прямую без права на отклонение.

— Сожалею. Я осознаю, что вы были вынуждены почувствовать себя резервной копией. Вы для меня... не копия. Но текущая конфигурация моей жизни снова попала в резонанс с её ритмом. И я испытываю системную ненависть к то-

му, что это задевает ваши границы.

Алёна выдохнула. Внутри становилось легче от дешифровки истины — но не от самой топологии событий.

— Стартуйте, — сказала она. — Если вы останетесь физически, вас всё равно здесь не будет. Ваше ядро продолжит обрабатывать задачу поездки. Так что исполнение скрипта предпочтительнее ожидания.

Леонид выглядел так, будто получил ответ, которого не было в документации. Его взгляд на мгновение потерял четкость фокуса.

— В ваших настройках есть уникальный патч, — произнёс он.

— Отключите оценку моих характеристик, — попросила Алёна. — Лучше... отправьте уведомление, когда освободите ресурсы. Когда появится окно.

Он подтвердил получение команды.

— Я пингну. И... — он замялся, выбирая между гарантией доставки и неопределенностью. — И я приложу максимум вычислительных мощностей, чтобы вы больше никогда не попадали в конец очереди. Не декларациями. Результатами выполнения задач.

Алёна удержала статичную мимику, потому что утечка

жидкости из глаз сейчас означала бы падение системы. Она проследила взглядом его траекторию до парковочного узла, и почувствовала странную девиацию: не эффект брошенности с размаху — просто состояние покоя в вакууме, где её сердце успело считать данные, которые разум предпочел бы игнорировать.

Мягкое свечение фонарей осталось на мокром граните, преломляясь в лужах. Но для неё оно потеряло свойство легкости. Оно стало похоже на дежурную лампу в серверной, где ожидают ответа от упавшего сервиса, а эфир отвечает молчанием.

Она допила остывшую жидкость, и вдруг зафиксировала геометрию пространства: на скамье оставалось свободное место — словно ячейка памяти ждала повторной записи Леонида. Алёна хотела инициализировать завершение работы немедленно. Но процесс завис.

Потому что где-то в защищенном секторе диска всё ещё жила надежда — запрещенный, стыдный файл. И этот файл шептал: возможно, это не удаление раздела. Возможно, это просто программный сбой, допускающий откат к точке восстановления.

Только вот дебаггинг реальности редко начинается с по-

нимания дампа памяти. Он начинается с ручного выбора приоритета процесса.

И главный вопрос заключался в том, чей процессор первым снимет блокировку — Леонида, который привык мониторить чужое выживание, или Алёны, которая устала существовать призрачным процессом в тени чужих активных окон.

Её телефон завибрировал в кармане пальто — но это был не входящий от него. Рядовое пуш-уведомление из корпоративных чатов, холодное и функциональное. Алёна посмотрела на светящийся экран и принудительно вернула фокус на материальный мир.

Пока Леонид мчался закрывать чужой аварийный тикет, её собственная системная проблема начинала проявляться отчетливее: её софт хотел интеграции, но старая привычка фрагментировать себя на вторые роли уже заняла слишком много секторов.

И если цикл повторится — свободы воли не останется. Будет только рекурсивная боль, идущая по графику осадков: капля за каплей, пока диск окончательно не откажется верить, что кто-то однажды разблокирует входную дверь.

Глава 3. Тень прошлого

Квартира тёти встретила Алёну глухим, обволакивающим уютom — пространством, которое не требовало от неё быть функциональной или удобной. Здесь даже напольные часы тикали приглушеннее, словно понимали: ей сейчас необходимо не строгий порядок вещей, а право на паузу без необходимости анализировать источник боли.

Она сбросила влажную обувь в прихожей, повесила куртку и механически поставила чайник на плиту, хотя пить ничего не хотелось. Это был старый защитный ритуал — занять руки мелкой моторикой, чтобы внутри не развернулся привычный деструктивный сценарий: ожидание, сомнение, самобичевание до состояния физической тошноты.

Леонид уехал накануне вечером. Резко, по звонку. Он извинился четко, сухо, без театральных заламываний рук и попыток выдать катастрофу за «пустяки». И всё равно у Алёны осталось вязкое, мерзкое послевкусие того, что её снова переместили из категории «сейчас» в категорию «позже».

Ей отчаянно не хотелось признавать это даже перед собой. В конце концов, люди просто живут свои жизни, они

не обязаны выстраивать расписание вокруг чужих травм. Но почему-то именно в её биографии рядом с чужими авралами всегда находилось место для её собственных пустых вечеров. Для неё самой места обычно не предусматривалось архитектурным планом.

Часы отсчитывали секунды. Смартфон лежал экраном вниз на столе. Алёна трижды брала его в руки, разблокировала дисплей, смотрела на пустой мессенджер — и всякий раз ловила себя на остром чувстве унижения: она искала подтверждение своего существования в его мире.

Сначала включился внутренний адвокат: он свободный человек, никто никому не должен. Затем подключилось рациональное оправдание: Арина же просила о срочном вмешательстве. Потом сработала эмпатия: если он сорвался, значит, там действительно критическая ситуация.

И всё равно фоновый шум тревоги не затихал. Это была уже не злость. Скорее фантомная боль старого перелома, которая начинала ныть каждый раз, когда сердце осмеливалось сделать шаг навстречу слишком рано.

Когда уведомление наконец прорезало тишину, Алёна сидела за кухонным столом, сжимая чашку с давно остывшим чаем.

«Я добрался. Арина просила исключить любые долгосрочные обещания. Я помогу закрыть вопрос. Позже выйду на связь. Если время будет адекватным — напишу».

Текст бил фактами. Сухо. Без смягчающих фильтров.

Алёна медленно выдохнула сквозь сжатые зубы. Ей стало физически легче — но не потому, что рана закрылась. А потому что Леонид удерживал канал связи открытым, даже когда физически отсутствовал.

И это пугало сильнее всего: он обладал потенциалом стать тем самым человеком, которому можно делегировать доверие.

Через сорок восемь часов они пересеклись вновь — коротко, в будний день, пока город еще не успел захлебнуться вечерней суетой. Локацию выбрала Алёна: крошечная кофейня на тихой улочке, где плотный бархат штор гасил уличный шум, позволяя сидеть почти в полном вакууме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.